

Никита Евгеньевич Кушнарев¹
nekitkushnarev@mail.ru

ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ И ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ПОКРОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ²

В статье анализируются взгляды и позиции исследователей покровской культуры (культуры «амурских чжурчжэней»). Характеризуются основные концепции её происхождения, развития и этапов существования. На основе архивных источников показана динамика изменений взглядов исследователей при изучении вещественного материала. Расхождения во мнениях отразились в терминологии, датировке, интерпретации артефактов и погребального обряда. Созданная обширная эмпирическая основа для изучения покровской культуры привела к длительному периоду дискуссий, зашедших в тупик из-за появления новых спорных вопросов и отсутствия принципиально новых данных. Неоднородность этапов существования культуры, предложенных В.Е. Медведевым и Ю.М. Васильевым, создала сложные условия для будущих исследований и интерпретаций.

Ключевые слова: Восточное Приамурье, покровская культура, культура амурских чжурчжэней, дискуссионные вопросы, проблемы изучения.

Nikita E. Kushnarev¹
nekitkushnarev@mail.ru

DISCUSSION ISSUES AND RESEARCH PROBLEMS OF POKROVSKAYA CULTURE

The article analyzes the views and positions of researchers of the Pokrovskaya culture (culture of the “Amur Jurchens”). The main concepts of the origin, development and stages of the existence of culture are characterized. Based on the study of archival materials, the dynamics of changes in the views of researchers is shown when studying archaeological material. Disagreements among researchers were reflected in terminology, dating, interpretation of artifacts and burial rites. The extensive empirical basis for the study of the Pokrovskaya culture created by them led to a long period of discussions that reached a dead end due to the emergence of new controversial issues and the lack of fundamentally new data. The heterogeneity of the stages of the existence of culture, proposed by V.E. Medvedev and Yu.M. Vasiliev, created difficult conditions for future research and interpretation.

Keywords: Eastern Amur, Pokrovskaya culture, culture of the Amur Jurchens, discussion issues, research problems.

¹ Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия.
Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia.

² Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РНФ № 20-18-00081 «Археология Дальнего Востока России».

В средневековых письменных источниках сведения о племенах, заселявших в эту эпоху территорию Дальнего Востока, очень кратки. Складывается впечатление, что народы, проживавшие в бассейне среднего и нижнего Амура, были мало известны летописцам. Поэтому для изучения этих районов роль летописных сводов в качестве исторического источника весьма ограничена.

В 1975 г., когда были накоплены определённые археологические материалы, А.П. Окладников и В.Е. Медведев дали средневековой культуре Приамурья IX—XIII вв. н.э. этническое название «амурские чжурчжэни». В археологической литературе оно стало традиционным. Какое-то время этническая принадлежность её носителей не подвергалась сомнению. Однако позднее исследователи пришли к выводу, что отождествление носителей средневековой культуры Приамурья с чжурчжэньским этносом научного обоснования не имеет (Васильев 2005: 592). Исходя из этого, в 1985 г. Ю.М. Васильев предложил именовать культуру покровской — по месту обнаружения клада, около дер. Покровка, опубликованному в отчёте Археологической комиссии за 1913—1915 гг. В китайской литературе эта же культура известна как «культура племён Уго эпохи Ляо» или Саньхао (Васильев 2005: 592). Согласно концепции Ю.М. Васильева, своё начало покровская культура ведёт от мохэской, которая известна в Китае как культура Тунжэнь. По его мнению, на основании польцевской, а также затем мохэской культуры сформировалась покровская культура, датируемая IX—XIII вв. н.э. (Васильев 2005: 592).

В.Е. Медведев определяет покровскую культуру как культуру «амурских чжурчжэней» VII—XIII вв. н.э. и связывает её происхождение с ранним железным веком южной части Дальнего Востока, а именно с урильской и польцевской культурами Приамурья (Медведев 1986: 170—171). Отдельные аспекты в изобразительном искусстве чжурчжэней Приамурья, по его мнению, сохранились с эпохи неолита (Медведев 1986: 171).

Третья концепция о происхождении средневековой археологической культуры в данном регионе высказана О.В. Дьяковой в 1985 г. Сравнив «типолисты» троицкой группы памятников из Амурской области, бохайской культуры Приморья и «амурских чжурчжэней», исследователь пришла к выводу о том, что «в случае с троицкой группой мохэ и культурой «амурских чжурчжэней» логичнее было бы говорить о троицком варианте мохэской культуры в эпохи Бохая, Ляо, Цзинь», которая «появилась в Приамурье в сложившемся виде, с устоявшимися традициями», сохранявшимися всё время её существования (Дьякова 1993: 313—319). В дальнейшем О.В. Дьякова развила свою идею, назвав троицкий вариант мохэ аборигенной культурой, существовавшей в этом регионе длительное время (Дьякова 1993: 339). Также, согласно её заключениям, сопоставление керамического материала показывает, что тунжэнь, саньхао, троицкая группа мохэ, бохайская культура и культура «амурских чжурчжэней» имеют единую аборигенную основу в виде мохэской археологической культуры троицкого типа (Дьякова 1993: 339) и принципиальное

сходство, одинаково развиваются во времени и пространстве и не дают значительных различий, позволяющих считать их разными культурами (Дьякова 1993: 312—314). Таким образом, О.В. Дьякова полагает, что и бохайская культура, и культура «амурских чжурчжэней» происходят от троицких мохэ (Дьякова 1993: 339). На данный момент это предположение в научной литературе остаётся без комментариев.

Обзор позиций дискутирующих сторон показал, что, несмотря на анализ общего археологического материала, одних и тех же письменных источников, каждый из авторов придерживался (и по-прежнему придерживается) своих позиций, то есть решение проблем датировки покровской культуры и этнокультурной принадлежности её носителей зашло в тупик. По мнению С.П. Нестерова, для продвижения вперёд в этом вопросе необходимо шире использовать данные других наук для интерпретации некоторых спорных моментов в археологическом материале и сообщений письменных источников (Нестеров 1998: 750). Поскольку различные аспекты жизни носителей покровской культуры изучены недостаточно и более полную информацию об этом могут дать только результаты систематических естественнонаучных анализов, то с позицией С.П. Нестерова стоит только согласиться.

Следует более подробно остановиться на ключевых моментах в полемике Ю.М. Васильева и В.Е. Медведева.

Как было отмечено выше, в своей концепции Ю.М. Васильев прослеживает преемственность трёх археологических культур: польцевская — мохэская — покровская. Он отождествляет носителей покровской культуры с племенами уго и относит их к монголоязычным шивэй (шибэрам). Исходя из анализа погребального обряда, материальной культуры, нумизматического материала и данных радиоуглеродного анализа, Ю.М. Васильев разделяет покровскую культуру (включая мохэскую) на четыре хронологических этапа (Васильев 2005: 602).

Первый этап — троицкий (VII—IX вв. н.э.). К нему отнесены могильники Троицкий, Кочковатка, Шапка, Найфельдский. Для этого времени характерно наличие только грунтовых могильников. Основной способ захоронения представлен ингумациями в могильных ямах с использованием четырёх типов гробов. Погребённые лежат на спине, ноги согнуты в коленях; ориентированы головой на север (троицкая группа) или в широтном направлении (найфельдская группа). Почти все погребения подвергались обряду обезвреживания. Существовал обряд «огневого» обезвреживания с сожжением гробов. Керамика — лепная или «доработанная на круге». В погребальном инвентаре большое место занимают предметы тюркско-го или центральноазиатского облика (Васильев 2005: 602).

Второй этап — корсаковский (конец IX — X в. н.э.). Для него характерно наличие только грунтовых могильников: Корсаковский, Назаичевский, Дубовая Релка, Протока Быстрая, Грязнухинский. Основной способ погребения в них — ингумация в могильных ямах с использованием двух типов гробов. Погребённые традиционно лежат на спине с согнутыми в коленях ногами, ориентированы головой на закат. Широко применялся

ритуал обезвреживания покойников огнём и другими вспомогательными действиями. Существуют подхоронения, при которых кости ранее захороненных сдвигались в сторону. «Домашние» сосуды изготовлены местными гончарами на гончарном круге в подражание ремесленным образцам. Существовал повышенный спрос на станковую серо-глиняную посуду (в продажу шли даже бракованные экземпляры). Для этого этапа характерно большое разнообразие поясных аксессуаров тюркского и амурского типов. Отмечено наличие трёхлопастных наконечников стрел, в большом ассортименте присутствуют плоские наконечники, появляются наконечники с Z-образным сечением. Серьги — простые кольцевидные или с круглым нефритовым диском-подвеской (Васильев 2005: 602—603).

Третий этап — надеждинско-луданниковский (XI — начало XII в. н.э.). Могильники: Дубовое, Молчанихинский, Надеждинский, Болоньский, Тэзино Озеро, Анюйский, Протока Кривая, Луданникова Сопка (Западная и Восточная группы), Юктакан-I. Это время появления курганных насыпей. Есть могильники, где наряду с курганами существуют и грунтовые могилы, как, например в Дубовом, Тэзином Озере. В погребальном обряде и материальной культуре грунтовых и курганных некрополей нет различий. Труположения в гробах в традиционной позе, с ориентацией головой на восход. Однако в ряде случаев есть и диаметрально противоположная ориентировка — на закат. Сохраняется обряд обезвреживания, но «огневое» обезвреживание есть только в грунтовых могильниках, в курганных известны единичные случаи. Имеются подхоронения. Во втором и третьем этапах инвентарь идентичен, но в третьем, по сравнению со вторым, наблюдаются некоторые изменения. Аксессуары поясов тюркского типа весьма редки. Бляхи амурского типа упрощаются, семантика их окончательно забывается. Исчезает шарнирное соединение бубенчиков и блях. Они размещаются на поясах зубчатой стороной («бахромой») вниз, где бубенчики, колокольцы и прочие подвесные элементы пришивались. Увеличивается количество керамики, изготовленной на круге, но наряду с ней есть лепные и круговые сосуды так называемого мохэского типа, встречаемость которых снижается в сравнении с предыдущими этапами. Продолжают существовать «домашние» сосуды-подражания. Уменьшается количество типов плоских наконечников стрел, становится больше долотовидных и бронебойных с Z-образным сечением. Разнообразны типы колчанных портупей. Реже встречаются кости лошади (в курганных могильниках есть только астрагалы), но чаще, по сравнению первым этапом, — предметы снаряжения коня. В конце XI — начале XII в. н.э. появляются трупосожжения на месте погребения и на стороне. Обряд обезвреживания переносится на кремации. В труположениях при проведении этого обряда костные останки либо выбрасываются из могилы, либо полностью уничтожаются. На отдельных памятниках встречаются шарнирные пояса из железных пластин (Васильев 2005: 603).

Четвёртый этап — краснокуровский (XII—XIII вв. н.э.). К нему относятся могильники: Барсучьи Норы, Протока Светлая, Протока Кривая, Озёрная

группа Луданниковой Сопки, Краснокуровский. Происходит постепенный переход к кремациям на стороне и захоронению останков на родовом кладбище. Ингумации и кремации по-прежнему имеют признаки нарушений. Появляются новые формы курганов, связанные с кремациями, — квадратные и прямоугольные. Поясная гарнитура амурского типа встречается редко, качество станковой керамики ухудшается. Дольчатость сосудов обозначается простыми прочерченными линиями. Сосуды «мохэского» типа сохраняют свойственное им оформление, однако большинство их изготовлено на круге (Васильев 2005: 603).

Стоит отметить, что Ю.М. Васильевым до введения термина «покровская культура» для обозначения средневековой культуры Нижнего Амура чжурчжэньской эпохи использовалась иная формулировка: «луданниковская культура на нижнем Амуре» (Васильев, Васильева 1975: 3). Так данная культура называется в полевых отчётах Ю.М. Васильева до 1981 г. В отчётах 1981—1984 гг. наименование культуры отсутствует, а по отношению к памятникам и артефактам употребляются формулировки «раннесредневековое поселение» или «фрагменты керамики, относящиеся к раннему средневековью». Причём они используются и по отношению к уже изученным памятникам, упоминавшимся в более ранних отчётах и отнесённых к «луданниковской культуре» (Васильев 1981: 4). В 1985 г. Ю.М. Васильев впервые предлагает именовать культуру покровской, и с 1987 г. данная формулировка регулярно присутствует в его полевых отчётах (Васильев 1987: 17).

В свою очередь, В.Е. Медведев прослеживает определённую близость и различия мохэской и чжурчжэньской культур и предполагает, что они развивались самостоятельно, по крайней мере в VII—VIII вв. н.э. Позже, по его мнению, мохэская культура становится частью бохайской, а чжурчжэньская продолжает своё независимое развитие (Медведев 1986: 174—175). Исходя из анализа источников и литературы, В.Е. Медведев выделяет в формировании культуры тунгусоязычного населения в чжурчжэньскую три хронологических этапа (Медведев 1986: 175).

Первый этап (вторая половина VII — середина IX в. н.э.) считается исследователем наиболее ранним временем сложения почти всех культурных компонентов. В.Е. Медведев особенно отмечает на этом этапе имеющиеся пережиточные элементы культур эпохи раннего железного века и полагает, что они прослеживаются и на втором этапе, а полностью или почти полностью исчезают только на третьем. Наибольшая часть культурных элементов, сближающих мохэские и чжурчжэньские комплексы, также характерна для данного этапа. Вместе с тем исследователь указывает, что этого нельзя сказать о древнетюркских элементах, в чрезвычайно широких масштабах внедрившихся в мохэскую культуру в третьей четверти I тыс. н.э., но не проявляющихся в чжурчжэньской культуре (Медведев 1986: 175). Прослеживаются аналогии также в элементах материальной культуры приморского населения, включавшего в себя, как полагает В.Е. Медведев, чжурчжэньские племена. Он относит к первому

этапу этнокультурные связи ранних чжурчжэней с их северо-западными и западными соседями — монголоязычными племенами шивэй.

Комплексы первого этапа датированы на основе многочисленных аналогий, радиоуглеродного анализа и монет. В.Е. Медведев считает радиоуглеродную дату угля из погребения № 89 Корсаковского могильника 570 ± 25 г. н.э. (СО АН-1630) предельно нижней и подтверждает это нумизматическим материалом, а точнее китайскими монетами «Кайюань тунбао» (Медведев 1986: 177).

Второй этап (вторая половина IX — первая четверть XII в. н.э.) считается более насыщенным разнохарактерными событиями, протекавшими у чжурчжэней Приамурья. В это время окончательно вызревает чжурчжэньская культура, признаки которой исследователь прослеживает по материалам конца IX — начала X в. н.э. Для Приамурья финальный отрезок второго этапа (XI — начало XII в. н.э.) рассматривается как вершина бурного становления культуры и сложения чжурчжэньской народности. В регионе на этот этап приходится наибольшая часть памятников, в том числе подавляющее число погребений Корсаковского могильника, могильники Надеждинский, Молчанихинский, Болоньский, Дубовской (с грунтовыми могилами), Каменушка, а также Ольские, Вензельские, Петропавловские курганы, могильник Луданникова сопка и ряд других памятников (Медведев 1991; 1998; 1982: 33). Комплексы данного этапа датируются серией монет, найденных почти на всех грунтовых могильниках. Основными являются сунские монеты с легендами «Чжи Дао юань бао», «Юань фэнь тунбао», «Сяньфу юань бао» и «Сянь Пинь юань бао». В.Е. Медведев связывает их с рядом радиоуглеродных дат образцов угля, взятых из погребений могильников, на которых обнаружены монеты. Радиоуглеродные даты расширяют круг точно датированных комплексов вплоть до начала X в. н.э. (Медведев 1986: 178).

Второй этап формирования культуры тунгусоязычного населения считается временем широких и многообразных контактов, взаимодействий со многими этническими общностями, в особенности южными и западными. Однако это взаимодействие носило своеобразный характер. В.Е. Медведев указывает, что изделия различного назначения (посуда, пояса, украшения, некоторые категории вооружения) импортировались больше с Амура к южным соседям, чем наоборот. Также через чжурчжэней ещё далее на север попадают сунские монеты XI в. н.э., а элементы их материальной культуры проникают в охотскую культуру, на острова вплоть до Хоккайдо (Васильевский 1981: 93).

Третий этап формирования культуры тунгусоязычного населения определён В.Е. Медведевым второй четвертью XII — серединой XIII в. н.э. Это время, когда Приамурье являлось северо-восточной периферией Чжурчжэньской империи Цзинь. Установился постоянный обмен культурными ценностями с далеко отстоящими от Приамурья районами Северного Китая. В регионе появляются постройки общественного назначения типа сельских храмов (остатки строения с каменными базами

в устье р. Тунгуски), достигают своего совершенства фортификационные сооружения (городище Джари), лепная керамика, за редким исключением, вытесняется станковой, появляются образцы сосудов, копирующих железные и бронзовые котлы. Прослеживается полное единство в конструкции жилищ, в большей части инвентаря чжурчжэней Приамурья, Приморья и Маньчжурии. Но при всём этом культура чжурчжэней Приамурья и Северо-Восточной Маньчжурии сохраняла свои специфические черты и особенности, выражавшиеся в производстве дольчатой керамики, сосудов с горизонтальными ручками, в том числе кувшинов, отсутствующих на памятниках Приморья конца XII — XIII в. н.э., в массовом изготовлении ажурных пластинчатых блях и в другом. Данный этап по сравнению с предыдущим представлен значительно меньшим количеством памятников. В это время основным направлением движения приамурского населения, по мнению В.Е. Медведева, были юг и юго-запад. Также он считает, что после разгрома чжурчжэньской империи монголами какая-то часть оставшихся чжурчжэней вернулась вновь на свои прежние земли (Медведев 1986: 180).

Помимо трёх хронологических этапов В.Е. Медведев намечает разделение культуры на два локальных варианта. К первому, «или варианту культуры», названному по наиболее выразительному и крупному памятнику корсаковским, он относит могильники Корсаковский, Каменушка, Галечная Коса, Чирки, Болоньский, Грязнуха, Петропавловские курганы. Эти памятники располагаются в более восточной зоне региона, локализуясь у устья р. Усури и ниже по р. Амур. Ко второму варианту, надеждинскому, принадлежат могильники Надеждинский, Дубовской, Молчанихинский, Подкова, а также Ольские, Вензельские курганы и ряд других памятников. Они тяготеют к районам, прилегающим к устью р. Сунгари. Основным отличительным признаком памятников этих двух вариантов исследователь считает разную ориентировку костяков: западную, с отклонением на север, в корсаковском и восточную, с отклонением на юг и север, в надеждинском (Медведев 1991). Также он выделяет такую особенность, как отсутствие в памятниках надеждинского варианта крышек, амфоровидных сосудов и пряжек в гарнитуре наборных поясов. Отмечается, что керамика корсаковского варианта типологически более разнообразна, особенно это касается лепной керамики (Медведев 1986: 181).

Отметим, что в разные годы своих исследований В.Е. Медведев использовал для обозначения культуры формулировки «амурские чжурчжэни», «ранние чжурчжэни», а также «северные чжурчжэни».

Таким образом, за долгий период исследований не возникло устоявшегося и признанного (даже не единогласно, а хотя бы большинством) наименования археологической культуры. Дискуссия по принципам наименования (по этническому или географическому) переросла в острое обсуждение проблемы этнического происхождения средневекового населения Восточного Приамурья. В связи с этим был поднят ряд вопросов методологического характера (Медведев 2008: 220—222).

С 1994 г. круг дискуссионных проблем расширился ещё больше: возникли вопросы о «характерных и нехарактерных» комплексах в культуре «чжурчжэней» Приамурья и чжурчжэней Приморья. Тем не менее это можно расценивать как достаточно важный шаг, поскольку специалисты обратили внимание на острую недостаточность изученности городищ в Приамурье (Медведев 2008: 223). К сожалению, ничего не было сказано о малой изученности поселенческих комплексов, на наш взгляд, более детально отражающих быт населения.

Некоторые из последних публикаций В.Е. Медведева и Ю.М. Васильева, основное содержание которых непосредственно было адресовано друг другу, нередко содержали признания в ранних огрехах, являвшихся результатом неверных представлений об этнической обстановке и погребальных обрядах, недостатке опыта и полевых материалов (Васильев 2006: 6—7). Многие аспекты были переосмыслены исследователями и начали трактоваться иначе, в публикациях стали исправляться некоторые допущенные ранее погрешности. Одновременно с этим происходило уменьшение объёма принципиально новых данных и увеличение комментариев и замечаний к словам оппонента, порой выходящих за грань научной полемики.

Говоря о проблемах наименования и происхождения культуры, нельзя исключать из рассмотрения различные точки зрения. На наш взгляд, термин «покровская культура» является более верным, исходя из общепризнанного правила обозначения культуры по географическому признаку. Но стоит отметить, что под этим названием мы рассматриваем в совокупности все достижения В.Е. Медведева и Ю.М. Васильева без исключений.

В последние два десятилетия изучение покровской культуры перестало быть систематическим, однако выявило новые вопросы и проблемы. Так, в ходе исследований в северных районах Приморского края (Н.Н. Крадин, Ю.Г. Никитин, Е.И. Гельман и др.), был поднят вопрос о степени проникновения покровского материально-культурного пласта на территорию Приморья (Галицкий и др. 1998: 3—11; Кушнарёв 2019: 176—177). Остаётся по-прежнему открытым вопрос о взаимодействии носителей покровской культуры с бохайским и пост-бохайским населением (Гельман 2002: 167—187).

Результаты мониторинга археологических памятников (Волков и др. 2017: 397—406), а также устные сообщения исследователей и местных жителей обращают внимание на проблему разрушения и утраты изученных и неизученных памятников Приамурья. И она крайне остро сочетается с отсутствием принципиально новых данных по изучению покровской культуры за последние несколько лет.

Отдельного внимания заслуживает слабая изученность хозяйственной деятельности покровской культуры. Ранее исследователи нередко отмечали сходство и различия в хозяйстве мохэской, покровской и других культур (Медведев 1986: 174—175). Однако сравнение производилось только на основе хозяйственного инвентаря и не могло быть исчерпывающим.

Ощущается очевидная необходимость изучения экофактов и поселенческих комплексов при решении этой проблемы. Однако существующие работы в данной области, к сожалению, остаются единичными (Дерюгин, Алексеева 2002: 191—194). Следует отметить и неравномерность исследованности Восточного и Западного Приамурья. Между тем предварительные данные (Кушнарёв 2020: 210—212) позволяют предполагать наличие разных типов хозяйственной деятельности носителей покровской культуры на этих территориях, отличающихся разнообразной ландшафтной структурой и ресурсно-сырьевой базой.

Таким образом, важной задачей будущих исследований покровской культуры будет разработка слабоизученных вопросов и проблем с использованием ранее не применявшихся методов. Особое внимание необходимо обратить на изучение поселенческих комплексов, поиск общих и локальных черт покровской культуры в разных частях Приамурья и сопредельных территорий.

ЛИТЕРАТУРА

- Васильев, Ю.М. 1981. Отчёт об археологических исследованиях в Нанайском и Хабаровском сельском районах Хабаровского края в 1981 г. *Архив ИИАЭ ДВО РАН*. Ф. 1. Оп. 2. Д. 186.
- Васильев, Ю.М. 1987. Отчёт об археологических исследованиях в Хабаровском сельском районе Хабаровского края в 1987 г. *Архив ИИАЭ ДВО РАН*. Ф. 1. Оп. 2. Д. 341.
- Васильев, Ю.М. 2005. Покровская культура Приамурья (IX—XIII вв. н.э.). *Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы*. Отв. ред. Ж.В. Андреева. Владивосток: Дальнаука: 592—614.
- Васильев, Ю.М. 2006. *Погребальный обряд покровской культуры (IX—XIII вв.)*. Владивосток: Дальнаука.
- Васильев, Ю.М., Васильева, Т.А. 1975. Результаты археологических разведок в Хабаровском, Сельском и Смидовичском районах Хабаровского края в 1975 г. *Архив ИИАЭ ДВО РАН*. Ф. 1. Оп. 2. Д. 24.
- Васильевский, Р.С. 1981. *По следам древних культур Хоккайдо*. Новосибирск: Наука.
- Волков, Д.П., Коваленко, С.В., Миронов, М.А. 2017. Памятники археологии Еврейской автономной области: проблема сохранения и учёта (на примере археологического мониторинга 2014—2015 гг.). *Археология CIRCUM-PACIFIC: памяти Игоря Яковлевича Шевкомуда*. Отв. ред. С.В. Батаршев., А.М. Шиповалов. Владивосток: Тихоокеанское издательство «Рубеж»: 397—406.
- Галицкий, В.Д., Калашников, С.В., Ключев, Н.А., Крадин, Н.Н., Лынша, В.А., Новоградский, И.В., Никитин, Ю.Г., Тарасенко, В.Н. 1998. Предварительные результаты археологического обследования бассейна реки Бикин. *Археология и этнология Дальнего Востока и Центральной Азии*. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН: 3—11.
- Гельман, Е.И. 2002. О культурной принадлежности Новогордеевского селища. *Археология и культурная антропология Дальнего Востока и Центральной Азии*. Владивосток: ДВО РАН: 167—187.
- Дерюгин, В.А., Алексеева, Э.В. 2002. Остеологические материалы с поселения Покровка-1. *Археология и культурная антропология Дальнего Востока*. Владивосток: ДВО РАН: 191—194.

- Дьякова, О.В. 1993. *Происхождение, формирование и развитие средневековых культур Дальнего Востока (по материалам керамического производства)*. Владивосток: Дальнаука. Ч. 3.
- Кушнарев, Н.Е. 2019. Материалы покровской культуры из коллекции археологических разведок в Дальнереченском и Красноармейском районах Приморского края. *Материалы LIX Российской археолого-этнографической конференции студентов и молодых учёных*. Благовещенск — Хэйхэ, 8—12 апр. 2019 г. Благовещенск: БГПУ: 176—177.
- Кушнарев, Н.Е. 2020. Картографический анализ расположения памятников покровской культуры (культуры «амурских чжурчжэней») на территории Западного Приамурья. *Материалы LX Российской археолого-этнографической конференции студентов и молодых учёных с международным участием*. Иркутск: ИГУ: 210—212.
- Медведев, В.Е. 1982. *Средневековые памятники острова Уссурийского*. Новосибирск: Наука.
- Медведев, В.Е. 1986. *Приамурье в конце I — начале II тысячелетия (чжурчжэньская эпоха)*. Новосибирск: Наука.
- Медведев, В.Е. 1991. *Корсаковский могильник: хронология и материалы*. Новосибирск: Наука.
- Медведев, В.Е. 1998. *Курганы Приамурья*. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН.
- Медведев, В.Е. 2008. Кто и зачем переименовал культуру амурских чжурчжэней? *Столетие великого АПЭ (К юбилею академика Алексея Павловича Окладникова)*. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та: 220—226.
- Нестеров, С.П. 1998. *Народы Приамурья в эпоху раннего средневековья*. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН.

REFERENCES

- Vasil'ev, Ju.M. 1981. Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh v Nanayskom i Khabarovskom sel'skom rayonakh Khabarovskogo kraya v 1981 g. [Report on Archaeological Research in the Nanai and Khabarovsk Rural Areas of the Khabarovsk Territory in 1981]. *Arkhiv IIAE DVO RAN*, f. 1, op. 2, d. 186. (In Russ.)
- Vasil'ev, Ju.M. 1987. Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh v Khabarovskom sel'skom rayone Khabarovskogo kraya v 1987 g. [Report on Archaeological Research in the Khabarovsk Rural Area of the Khabarovsk Territory in 1987]. *Arkhiv IIAE DVO RAN*, f. 1, op. 2, d. 341. (In Russ.)
- Vasil'ev, Ju.M. 2005. Pokrovskaya kul'tura Priamur'ya (IX—XIII vv. n.e.) [Pokrovskaya Culture of Priamurye (IX—XIII AD)]. *Rossiyskiy Dal'niy Vostok v drevnosti i srednevekov'e: otkrytiya, problemy, gipotezy*. Executive ed. Zh.V. Andreeva. Vladivostok, Dal'nauka Publ.: 592—614. (In Russ.)
- Vasil'ev, Ju.M. 2006. *Pogrebal'nyy obryad pokrovskoy kul'tury (IX—XIII vv.)* [Funeral Rite of the Pokrovskaya Culture (IX—XIII AD)]. Vladivostok, Dal'nauka Publ. (In Russ.)
- Vasil'ev, Ju.M., Vasil'eva, T.A. 1975. Rezul'taty arkheologicheskikh razvedok v Khabarovskom, Sel'skom i Smidovichskom rayonakh Khabarovskogo kraya v 1975 g. [Results of Archaeological Surveys in the Khabarovsk, Selsky and Smidovichsky Districts of the Khabarovsk Territory in 1975]. *Arkhiv IIAE DVO RAN*, f. 1, op. 2, d. 24. (In Russ.)
- Vasil'evskij, R.S. 1981. *Po sledam drevnikh kul'tur Khokkaydo* [In the Footsteps of the Ancient Cultures of Hokkaido]. Novosibirsk, Nauka Publ. (In Russ.)
- Volkov, D.P., Kovalenko, S.V., Mironov, M.A. 2017. Pamyatniki arkheologii Evreyskoy avtonomnoy oblasti: problema sokhraneniya i ucheta (na primere arkheologicheskogo

- monitoringa 2014—2015 gg.) [Archaeological Sites of the Jewish Autonomous Region: the Problem of Preservation and Accounting (on the Example of Archaeological Monitoring 2014—2015)]. *Arkheologiya CIRCUM-PACIFIC: pamyati Igorya Yakovlevicha Shevkomuda*. Eds. S.V. Batarshev, A.M. Shipovalov. Vladivostok, Tikhookeanskoe izdatel'stvo «Rubezh» Publ.: 397—406. (In Russ.)
- Galitskij, V.D., Kalashnikov, S.V., Klyuev, N.A., Kradin, N.N., Lynsha, V.A., Novogradskij, I.V., Nikitin, Yu.G., Tarasenko, V.N. 1998. Predvaritel'nye rezul'taty arheologicheskogo obsledovaniya bassejna reki Bikin [Preliminary Results of the Archaeological Survey of the Bikin River Basin]. *Arheologiya i etnologiya Dal'nego Vostoka i Central'noj Azii*. Vladivostok, IIAE DVO RAN Publ.: 3—11. (In Russ.)
- Gel'man, E.I. 2002. O kul'turnoy prinadlezhnosti Novogordeevskogo selishcha [About the Cultural Identity of the Novogordeevskoye Settlement]. *Arkheologiya i kul'turnaya antropologiya Dal'nego Vostoka i Tsentral'noj Azii*. Vladivostok, DVO RAN Publ.: 167—187. (In Russ.)
- Derjugin, V.A., Alekseeva, E.V. 2002. Osteologicheskie materialy s poseleniya Pokrovka-1 [Osteological Materials from the Settlement of Pokrovka-1]. *Arkheologiya i kul'turnaya antropologiya Dal'nego Vostoka*. Vladivostok, DVO RAN Publ.: 191—194. (In Russ.)
- D'jakova, O.V. 1993. *Proiskhozhdenie, formirovanie i razvitie srednevekovykh kul'tur Dal'nego Vostoka (po materialam keramicheskogo proizvodstva)* [The Origin, Formation and Development of Medieval Cultures of the Far East (Based on Materials from Ceramic Production)]. Vladivostok, Dal'nauka Publ., vol. 3. (In Russ.)
- Kushnarev, N.E. 2019. Materialy pokrovskoy kul'tury iz kollekcii arheologicheskikh razvedok v Dal'nerechenskom i Krasnoarmeyskom rayonakh Primorskogo kraja [Materials of the Pokrovskaya Culture from the Collection of Archaeological Prospecting in the Dalnerechensky and Krasnoarmeysky Districts of the Primorsky Territory]. *Materialy LIX Rossiyskoy arheologo-etnograficheskoy konferentsii studentov i molodykh uchenykh*. Blagoveshchensk — Kheykhe, 8—12 apr. 2019 g. Blagoveshchensk, BGPU Publ.: 176—177. (In Russ.)
- Kushnarev, N.E. 2020. Kartograficheskij analiz raspolozheniya pamyatnikov pokrovskoy kul'tury (kul'tury «amurskikh chzhurchzheney») na territorii Zapadnogo Priamur'ya [Cartographic Analysis of the Location of the Sites of the Pokrovskaya Culture (the Culture of the “Amur Jurchens”) on the Territory of the Western Amur Region]. *Materialy LX Rossiyskoy arheologo-etnograficheskoy konferentsii studentov i molodykh uchenykh s mezhdunarodnym uchastiem*. Irkutsk, IGU Publ.: 210—212. (In Russ.)
- Medvedev, V.E. 1982. *Srednevekovye pamyatniki ostrova Ussuriyskogo* [Medieval Sites of the Ussuriysky Island]. Novosibirsk, Nauka Publ. (In Russ.)
- Medvedev, V.E. *Priamur'e v kontse I — nachale II tysyacheletiya (chzhurchzhen'skaya epokha)* [Amur Region at the End of the I — Beginning of the II Millennium (Jurchen Era)]. Novosibirsk, Nauka Publ. (In Russ.)
- Medvedev, V.E. 1991. *Korsakovskiy mogil'nik: khronologiya i materialy* [Korsakovskij Burial Ground: Chronology and Materials]. Novosibirsk, Nauka Publ. (In Russ.)
- Medvedev, V.E. 1998. *Kurgany Priamur'ya* [Mounds of Priamurye]. Novosibirsk, IAET SO RAN Publ. (In Russ.)
- Medvedev, V.E. 2008. Kto i zachem pereimenoval kul'turu amurskikh chzhurchzheney? [Who and Why Renamed the Culture of the Amur Jurchens?]. *Stoletie velikogo APE (K yubileyu akademika Alekseya Pavlovicha Okladnikova)*. Vladivostok, Izd-vo Dal'nevost. un-ta Publ.: 220—226. (In Russ.)
- Nesterov, S.P. 1998. *Narody Priamur'ya v epokhu rannego srednevekov'ya* [The Peoples of the Amur Region in the Early Middle Ages]. Novosibirsk, IAET SO RAN Publ. (In Russ.)

Дата поступления в редакцию 05.02.2021